

ОНИ
ПРИХОДИЛИ

Владимир Якубовский

Елена Якубовская

Елена Якубовская
Владимир Якубовский
Они приходили (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35741305
Они приходили: Буквально; Санкт-Петербург; 2018
ISBN 978-5-907040-95-3

Аннотация

«Мы погибли бы, если б не погибали». Этот эпитафия к повести «Вдовин» принадлежит Фемистоклу, военачальнику 5-го века до н. э. Но нет ничего справедливей и точнее и для нашей действительности.

В этой книге военные рассказы – это будни фронта глазами простых солдат и лейтенантов из поколения, шагнувшего в огонь войны со школьной скамьи и из студенческой аудитории. Авторы раскрывают суровые истоки их патриотизма и нравственной силы. Рассказы о послевоенном времени и о скромных радостях мирной жизни расцветаются редкими спасительными искорками магического реализма.

Читатели наши – реалисты и консерваторы, патриоты и имперцы. Они – участники и сторонники «Бессмертного полка». Если будет на то их воля, они расскажут о прочитанном детям и внукам.

Плохой рассказ должен развлекать читателей, средний – воздействовать на их чувства, а лучший – озарять им путь. Не знаем, сумеют ли наши рассказы выполнить хотя бы одну из этих задач, но наша цель – озарять путь и смягчать горечь жизни.

«Они приходили» – это о наших героях. Многих уже нет на земле, но они были, они жили, оставили о себе светлую память и растворились в будущем.

Они не оставят нас в беде.

Авторы живут в Канаде.

Содержание

Вдовин	8
Конец ознакомительного фрагмента.	48

**Елена Якубовская,
Владимир Якубовский
Они приходили**

Плохой рассказ должен развлекать читателей, средний – воздействовать на их чувства, а лучший – озарять им путь. Не знаем, сумеют ли наши рассказы выполнить хотя бы одну из этих задач, но наша цель – озарять путь и смягчать горечь жизни.

«Они приходили» – это о наших героях. Многих уже нет на земле, но они были, они жили, оставили о себе светлую память и растворились в будущем.

Они не оставят нас в беде.

Вдовин

*Мы погибли бы, если б не погибали.
Фемистокл, V век до н. э.*

*О Русская земля! Ты уже за холмом...
«Слово о полку Игореве»*

БОЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

На старшего лейтенанта ВДОВИНА Николая Николаевича, 1920 г. рождения, члена ВКП(б), командира батареи. Холост. Из крестьян.

Делу Ленина-Сталина, социалистической Родине предан. Морально устойчив. Пользуется авторитетом среди личного состава. Приказы командования исполняет точно и в срок. Служит в полку с октября 1941 г., прибыл из резерва ПривВО.

При отражении налётов авиации противника на прикрываемые объекты проявил себя бесстрашным, решительным командиром. Так, в марте 1942 г., отражая массированные авиационные налёты в зоне Горьковского корпусного района ПВО, несмотря на интенсивную бомбёжку огневых позиций, старший лейтенант Вдовин Н. Н. продолжал хладнокровно управлять огнём своей батареи.

Правила стрельбы зенитной артиллерии знает хорошо. Материальную часть – удовлетворительно. Приборами управления владеет отлично.

ВЫВОД: ст. лейтенант Вдовин Н. Н. занимаемой должности соответствует. Способен занимать командные должности в частях зенитной артиллерии. Достоин выдвижения на должность командира зенитно-артиллерийского дивизиона.

Командир 947 Зенит майор Васильев Г. П.

Это боевая характеристика героя нашей повести. Всё самое главное, кратко и по существу военного времени. Дата – весна 42-го, впереди ещё три года войны. Если бы целое поколение лейтенантов 20-х годов рождения не полегло в эту Русскую землю, да и в другие земли тоже, мы погибли бы все, и никто бы не спасся. Так было во времена Фемистокла в V веке до нашей эры, так есть всегда.

Помните об этом.

Лейтенант Вдовин вторую ночь купался в запахах тройного одеколона. Нет, он не слишком следил за собой. Просто это был единственный доступный алкоголь, а тесный блиндажик в обрыве никогда не проветривался. Не был он и алкоголиком, – он ждал решения о придании его суду военного трибунала. Сейчас, весной сорок второго, набор приговоров был небогат и хорошо ему известен.

За свои двадцать лет он познал только один способ гнать мысли о завтрашнем дне – забыться во хмель. Но хмель

не брал. Вместо него приходила тяжёлая одурь.

Думать о «деле» было нечего. Его зенитная батарея очень удачно обстреляла группу из трёх низколетящих целей, рвущихся к объекту. Подбили двоих. Один, черканув крылом по пылике, плюхнулся метрах в ста от его командного пункта. Вдовин с двумя разведчиками подбежали к самолёту, чтобы обнаружить в кабине одного убитого лётчика, второй захлёбывался кровью, а третий, выпав из хвоста, невероятно изогнувшись, держался за задницу и чудовищно матерился, почему-то по-русски.

Ко второму году войны Вдовин нагладелся всякого. И понимал умом, что, посылая куда-то снаряды, он там наверняка кого-то убивает. Это были какие-то квадраты площадей, какие-то веера вдоль траншейных линий, зоны заградогня в небе или немецкие штурмовики, идущие на батарею. Никогда не связывал он воедино в мыслях свою стрельбу с конкретным человеком. А тут, на вот, любуйся!

На этой картине и заступорился Вдовин. Что-то щёлкнуло в голове. До мельчайших подробностей мысли легко бежали в память – назад. А реальные события и тем более мысли о будущем оказались как за каким-то матовым стеклом. Оно полностью съедало звуки и делало тусклыми цвета. Мозг превращал слова в серо-чёрные картинки и только потом начинал о них думать.

Вдовин чудесно помнил, как отрыли этот блиндаж по его указанию. На телегах с какого-то ремзавода привезли ящи-

ки. В сопроводилровке говорилось, что это приборы управления его батареи. В ящиках оказалась какая-то оптика в латунных оправках. По маркировкам определил, что эти красивые вещи образца 1902 и выпущены в 1909. Вещи казённые, не выбросишь. Подальше от огневых позиций, в обрыве, глядящем одновременно на Волгу и Оку, приказал отрыть блиндаж для этих ящиков. Первое время, была даже охрана. Теперь он спал на ящиках, хранил в них запасы военторговского одеколона и пустые бутылочки от него.

В общем, как он ни старался привычно сконцентрироваться на настоящем, или забыться, мысли упрямо падали назад. Как не вырваться и тебе, читатель, из круга пустых мечтаний и не остановить событий тяжёлого сна. Это вечный намёк нам, что бурно только прошлое, а впереди – покой.

В прошлом же были у Николая Вдовина две жизни. Одна протекла в полукрестьянском хозяйстве отца. Она казалась сейчас полной покоя, разумности и упоительного мальчишеского счастья рядом с любимым его конём.

Другая началась с призывом студента-второкурсника рядовым в мае 39-го.

В польский поход их тяжёлоартиллерийский полк РГК выступил поздно, да так никому и не понадобился. Кампания свелась к мучительному маршу осадных орудий на тракторной тяге по Белоруссии. Вот с этого момента жизнь понеслась.

Два месяца в школе Червоных старшин в Харькове, от-

туда, как бывшего студента, – во 2-ое Киевское конноартиллерийское. Вдовин повеселел, с детства любил коней. Казалось, судьба улыбнулась. Но закрутивший его поток не знал усталости: в училище открыли цикл зенитной артиллерии, и всех успешных в математике перевели туда. Опять прощайте, кони.

Выпустился в мае. Сфотографировался на память с четырьмя ближайшими товарищами. Вот они, все с шашками, серьёзные. Иван Бидыло – лучший в стрельбе и рубке лозы; всегда чем-то удивлённый, поглощённый собой, Титаренко; весёлый баламут Мороз – и на снимке он едва унял улыбку; всегда невозмутимый Панкратов, пугающе здоровенный.

Больше никогда их не видел. Оно и понятно.

В первые недели войны судьба в виде командировочного предписания вынесла Вдовина с главного направления удара немецких танковых клиньев: в июле он был послан из-под Умани в Изюм за приписным составом для полка. Людей получил, а везти их некуда – ни полка нет, ни отдельной танковой бригады, ни 20-й армии, ни Юго-Западного фронта.

Нормально, командиром взвода 37-мм зенитных орудий, он отвоевал едва ли пять недель в июне-июле, две из них пришлось ещё на «до войны». Первые дни вспоминались чётко и объёмно.

Орудийные парки, коновязи – всё было под открытым небом, и белый пух гигантских тополей вился над землёй, цепляясь за оттяжки и прилипая к брезенту палаток. Из учи-

лица в этот городок он прибыл один, так что ни знакомых, ни сослуживцев не нашлось. В батарее принял огневой взвод 37-миллиметровок – два орудия да десять красноармейцев, по пять на пушку. Всё по штатам мирного времени. Командовал батареей старший лейтенант, кадровый, в прошлом кавалерист, по фамилии Погорелов. В Ростове остались его дети с женой, двое мальчишек. Может поэтому он убивал всё время на службе. Худой и жёлчный, Погорелов дотошно вникал в каждую мелочь, донимая всех своей придирчивостью. Может быть, это была реакция на то, что артиллерийского училища он никогда не заканчивал, а только всякого рода курсы, и потому медленно усваивал любые новшества, избегал их. Да оно, может, и к лучшему.

В окрестных деревнях отсеялись и на сборы стали поступать запасники, которых нужно было приводить в чувство и приучать к дисциплине, почти как новобранцев. Орудийные расчёты довели до нормы – добавили по два подносчика боеприпасов.

Из Северо-Кавказского округа на недавно тихую станцию прибывали всё новые эшелоны, растянувшиеся, как казалось Вдовину, от самой горы Казбек. Никакой другой горы он не знал, а о Кавказе только слышал от отца.

В первых числах июня прошёл слух, что зенитчикам скоро грузиться и ехать на окружной полигон, откуда Николай совсем недавно уехал ещё курсантом.

Вообще, он мыслями часто возвращался в училище, где

он был окружён, как и в детстве, равными себе сверстниками, и времени на раздумья не было. Тут, в дивизионе, всё было не так. Не нужно бесконечно возиться с лошадьми. Оба командира орудий и наводчики были неплохо подготовлены и даже, очевидно, стреляли на полигонах больше, чем он. Прибывающие запасники были старше его, а то и семейные.

Городок с извилистой речкой, пышно обросшей шарами кустарника и деревьями, казалось, удваивал военное население каждую неделю. Оттого походил он просто на большой лагерь. Только по воскресеньям шумел базар, да кинопередвижки вспыхивали по вечерам, демонстрируя Чапаева или Весёлых ребят.

Тревожные беседы о возможной войне так и не сменились учебной тревогой.

Но вместо учений грянула настоящая война. Теперь всё всерьёз.

Туманным июньским утром колёсный трактор Фордзон тащил оба вдовинских орудия по пустой ещё рыночной площади к станции. Николай последний раз проследил изгибы реки по молочной кисее тумана, скрывшего и воду, и деревья. Не прижился он к этой реке.

Кроме орудий, трактор тащил колёсный прицеп на резиновом ходу, в кузове которого был весь вдовинский взвод, палатки, ящик с учебными снарядами и другое нехитрое имущество дюжины солдат и одного офицера. Выдвигались к станции, но не на погрузку, а на огневые позиции, которые

ещё предстояло разметить и оборудовать.

После всеобщей тревоги, вызвавшей поначалу смятение и беспорядок, все, кто имел средства тяги, ушли в сборные районы, попросту в овраги за станцией, а остальные ждали, когда за ними вернутся фуры, подводы и даже артиллерийские запряжки.

Впереди, казалось, бесшумно плыл такой же точно поезд: трактор, прицеп, два орудия. Это был второй огневой взвод их батареи. Комбат со взводом управления ждали их у станции, размечая позиции.

Всё виделось Вдовину как бы не наяву, всё шло не так, а как в дурном сне.

В училище по тревоге сотни сапог громыхали по лестницам, из конюшен выливался поток лошадей, в парке зарядные ящики и пушки почти сами под курсантскими руками выкатывались в удобное под запряжку положение.

А здесь средств тяги для батареи не было вообще. Они должны ещё поступать по мобилизации, а тревогу подняли, видать, следуя каким-то древним планам развёртывания. Быстро разобрались, сколько ещё осталось в наличии и в перспективе возврата упряжек, лошадей, полуторок и бензина. Велели сворачиваться к походу, а всех офицеров собрали в огромной штабной палатке.

Командир дивизиона, капитан Коломиец, выглядел обеспокоенным. Без всяких вступлений он сказал, что дивизион разделяется. Батарея Погорелова остаётся здесь с задачей

прикрывать пункт погрузки, а попросту станцию, от возможных налётов. Остальные уходят в Черкассы с той же задачей.

– Всё равно нам по пути с платформ прикрывать разные эшелоны, так что встретимся в конечном пункте.

«Из пункта А и из пункта Б вышли поезда, – подумал про себя Вдовин, – знать бы, где встреча».

Капитан, как бы извиняясь за то, что батарея остаётся, добавил:

– Снаряды вам подвезут прямо к позициям. Машины уже посланы в артсклад.

Вдовин рассеянно слушал, а сам мучительно думал, решал задачу, где же встретятся поезда. От этого было тёплое чувство: вспомнил хату свою и приятелей-школяров, пришедших вместе делать домашнее задание. Как и все вокруг, он не сомневался, что двинутся они к границе, а встретятся где-то уже на чужой земле.

Никого не удивило, что тронулись на северо-восток, к Черкассам, ведь там была их дивизия, но эшелон переполз Днепр и продолжал забирать к востоку.

Этим манёвром Московское командование пыталось как-то выправить предвоенный просчёт. Главный удар немцев ожидался на Украине, южнее Припятских болот, а случился севернее их – в Белоруссии. Поэтому 19-я армия, не успев всеми частями сосредоточиться в Киевском округе, перенацелилась к Смоленску и растянулась по путям тысячекилометровой змеей. Иван Степанович Конев, командующий, ви-

дел, что это из рук вон плохо. Может не хватить времени собрать соединения вместе. Придётся вступать в сражения по частям. Самый худший ночной кошмар любого командира.

Батарея Вдовина развернулась метрах в ста за выходным светофором. Обзор был отличный, небо без облачка. Два грузовика привезли снаряды, гораздо больше, чем следует держать на позиции.

– Куда припёрли столько? – ругались бойцы, которым пришлось отрывать в недалёкой ложбинке основание квадрата под полевой склад.

– Кто таскать к пушкам всё это будет?!

Сколько чего нужно, никто, конечно, не знал. Своим раздражением они скрывали злость на своё незнание и на неопределённость их будущего. Но как только вскрыли ящики с первыми обоймами, люди подтянулись, как бывало и раньше на учебных полигонах.

Весь день отрабатывали упражнения по отражению самолётов, идущих с разных направлений. Реальные цели не появлялись. Только дважды разведчики отметили пролёты самолётов, неизвестно чьих, но на больших высотах и в стороне от станции.

На третий день всем казалось, что о них забыли. И свои, и немцы. Давно укатили оба артполка. Грузились пехотные колонны, приходящие маршем, казалось, ниоткуда, и ещё казалось, что конца им не будет. Погорелов всё чаще ездил

на станцию и куда-то звонил. Наконец, построил батарею и объявил, что этой ночью будет подан состав, в который приказано грузиться и с платформ прикрывать его во время движения.

Он прокричал, что нужно забирать с собой всё, ибо неизвестно, можно ли найти на новом месте хоть какую щепку или очуток для подвязки брезента. Что для них это не поездка, как бывало в мирное время, а выполнение боевой задачи. Говорил он ещё что-то, но порывы сухого ветра уносили слова куда-то вдоль полотна, где над рельсами гуляло марево душного воздуха.

Оба их прицепа, забитые снарядами, ещё засветло ушли к месту погрузки.

Вдоль насыпи уже второй день, ничем не сменяясь, полз русский лес. Нечищенный, с частоколом огромных елей и с берёзовым подлеском на краю. Редкие деревянные станции и эстакады давно не красились и являли унылое зрелище.

Из-за сосен, прямо над верхушками, утром и выскочил МЕ-109Е, как безошибочно определил его Вдовин, и ревущим фантомом ушёл за срез лесных великанов. Ни одна пушка не открыла огонь. Хотя было ясно, что виновных тут нет, распекали разведчиков и удвоили число наблюдателей.

Фронта ещё не было слышно, но обломки вагонов и два покорёженных паровоза у насыпи убеждали, что здесь немцы летают и бомбят.

Высокий холм, на вершине которого виднелась деревня,

и за ней начинался лес, плавно стекал вниз и расширялся возвышенностью вдоль речного берега. Если не знать, что это Днепр, – так говорит карта, – то эту многоводную, но узкую воду примешь скорее за притоку великой реки. Возвышенность эту люди рассекли когда-то доругой, которая упирается в наплавной мост. Пройдя дефиле, пехотные строи потоком скатываются к переправе. Идут они на восток, только затем, чтобы потом за рекой довернуть на запад, к Смоленску. Вот это дефиле и мост батарее предстояло прикрыть от немецких штурмовиков.

Шестёрка Ю-87 прилетела с запада и выстроилась над переправой в круг. Со строгими интервалами, самолёты один за другим сначала клевали носом, потом включали сирену и срывались в штопор. Словно споткнувшись лаптями неубирающихся шасси о невидимый порог смерти, они выполняли безумное пики. Но смерть отделялась от них бомбой, а они выскальзывали к солнцу и укрывались в его слепящих лучах.

Тявканье пушек, бивших короткими очередями, казалось, никак не беспокоило их. Бомбили только переправу. Но вот один клюнул, начал входить в пики и не успел – взорвался вишнёвым пламенем и чёрной гарью. Взрывной волной подбросило следующий за ним. Тот выправился, но в работе их карусели произошёл сбой. Два самолёта пропустили свою очередь нырять. Нырнул третий, а четвёртый свалился на левое крыло, скользнул от переправы и пошёл на батарею.

Все орудия били только по нему, — пушечки захлёбывались пеной ярости своих накатников.

Вот ради этого момента наводчиков и учат целый год. Кажется, остался один на один. Все выкрутасы с расчётом упреждения — побоку. Хоть через ствол наводи. Давай темп огня. Кто первый, тот и жив.

Пара повозок, безумным скоком несущихся от переправы, достигла дефиле и закупорила его, как пробкой, столкнувшись с фурами встречного обоза. Фигурки людей бросились по склонам. Одни к батарее, другие прочь. Эти оказались на склоне возвышенности выше батареи и могли видеть всю картину.

Не было на позиции отдельных людей и орудий. Единая слаженная машина изрыгала снопы огня навстречу чёрному силуэту юнкерса. Тот не отвернул, и огненный шар отметил место его гибели. Ни дыма, ни парашютов. Стволы рванулись в направлении карусели. Но пушки уже тявкали устало и лениво. Переправа была разбита, и четвёрка Ю-87 уходила на запад.

Батарею Вдовина придали отдельной танковой бригаде, а там и вовсе растащили по взводам. Прикрой то, прикрой сё. Много наприкроешь с двумя пушечками. Он чудом протащил их вслед за танками почти до Дубно. Там, спрыгнув лихо с тягача, зацепился за проволочную петлю, и стопа практически вывернулась в обратную сторону. Сначала думал, ерунда. На второй день вбок из ступни вылезла какая-то

шишка, нога распухла, и каждый шаг превратился в муку.

Вот так, не ранен, не убит, но и для строя непригоден. По тем дням, хорошо ещё, что всё случилось на людях, — иначе загреметь в трибунал лейтенант мог запросто уже тогда.

Не нужен был Вдовину ангел-хранитель. Их нужно было двенадцать. Как каждому, кто родился в 1920 году.

С ногой своей он попал в Киев, где был наложен гипс, а под ним закреплена стальная скоба вместо подошвы. Вид у такого сооружения был жуткий, потому что вдобавок из-под уродливой намотки гипсовой куклы высывались чужие на вид, распухшие и почему-то почти чёрные пальцы и передняя часть стопы.

Изрядно потрёпанная под Дубно, танковая группа Клейста не стала прорываться через Киевский УР, а передав это дело 6-й полевой армии Роммеля, скользнула на юг по правому берегу Днепра до самого Запорожья. Она нигде не встретила серьёзного сопротивления. Это были глубокие тылы 6-й, 12-й и 18-й советских армий. Охватывая их с юга, спешили 3-я румынская и 11-я немецкая. Танки Клейста атаковали русских с тыла, от Днепра.

Разгром армий Юго-Западного фронта в районе Умани был полным. Пленены даже оба командарма, которых никто никогда потом ни в чем не упрекнул.

Вдовин не знал ничего об этом противоборстве армий. Но, может быть, из-за этого немецкого прорыва эвакопоезд

шёл почти без обычных своих остановок для сортировки раненых. Пока не добрался до Саратова, где были его базовые госпитали.

Прямо после госпиталя послали Вдовина на формирование – кадрированный полк развёртывался по штатам военного времени в окрестностях Горького.

От Саратова добирался медленно – колёсный пароход тащил вверх по течению ещё и баржу с каким-то военным имуществом. Казалось, он больше дымит, чем идёт.

Все пассажиры были военные, хотя большей частью необмундированные команды запасников, пока в штатском. Впрочем, Николай сам выглядел немногим лучше: ремни-то новые, ещё кавалерийские, а сапоги всё брезентовые – курсантские. Сам за полгода прожил три жизни, а обмундироваться толком так и не успел. Да и заметил это только от пассажирского безделья и от начавшихся ночных холодов.

О разнузданное временное безделье войны... Болтался по станциям, эшелонам, пристаням и пунктам питания. Бесконечные комендатуры, отметки в документах, проверки. Конечно, лишения. Но готовность подчиняться всем мыслимым правилам и приказам, фатальность и неизбежность непредсказуемых последствий освобождают мозг от ответственности. Потому и безделье.

В каком-то затоне долго чего-то ждали. Потом появился грязный, взъерошенный буксирный катерок. Он был похож на ёршика, только что выдернутого из воды.

«Ёршик» утянул баржу, на которую сошёл пёстрый полувоенный люд. Пассажиров осталось не больше десятка, – все офицеры. Пожилой пароходный начальник, очень худой и измождённый, разъяснил, что до порта ещё не добрались.

– Заночуете с нами, а утром пойдём к городу. Нам там грузиться, а вам ближе к транспортной комендатуре. Кому куда дальше, – там скажут.

Пароходик приткнулся к какой-то наливной барже, и боцманская команда занялась швартовкой.

Крики и беготня скоро стихли. Солнце садилось за обрыв дальнего берега. Дымящее чудище изрядно намяло Вдовину бока палубными скамейками и даже рундуком – твёрдым, как камень. Разминка на твёрдой земле представилась наслаждением.

Переспросил флотского, точно ли не уйдут до утра, и сполз, опираясь на палку, на железную палубу нефтевоза. Оттуда – на дебаркадер, от резных наличников которого сразу пахнэло дачной жизнью. Фанерные, крашенные белым буквы – «ЯБЛОНОВКА».

Но на берегу никаких яблоневых деревьев не оказалось. Только швартовые свежеотёсанные брёвна, неизвестной силой забитые в грунт. Видать, притащили плавучую пристань откуда-то с нижнего течения, и теперь это один из сотен пунктов разгрузки военного времени. Подболоченная луговина в полукилометре заканчивалась песчаными буграми. Туда, за дюны, и убегали наезженные колеи, заложенные

на бочагах деревянными гатями.

Вдовину подумалось, что в этой влажной котловине комары скоро зададут жару.

– Ладно, только до бугра дойду – и обратно, – подбодрил себя вслух.

Заковылял, наслаждаясь бризом и запахами вечерней реки. Влез на пригорок и оказался на природной насыпи, с которой открылась излучина великой реки. Тот берег канул в плотную тень, а сюда ещё доставали отблески заката. Алой чешуёй сверкала речная гладь.

– Не зря шёл, долюбуюсь.

Прямо под песчаным валом начиналась долина и шла к востоку, сколько хватало глаз. Намыла долину заросшая осокой речушка. Вдоль её течения разбросаны шалаши и шевелится муравьиная масса людей. Там-сям – дымки костров. Но не ярмарка, точно. Любопытство разобрало. Всего-то ещё двести метров.

Огонёк тлел под казанком, и пятеро мужчин средних лет, в изрядно поношенном штатском, собирались ужинать. Двое полулежали на кучах притоптанной, едва подвявшей осоки, очевидно, нарезанной у речушки. Двое более пожилых склонились над чугунком, а один, явно городского вида, нервно вышагивал неподалёку, горбился и нещадно дымил папиросой.

Завидев Вдовина, они поздоровались, и малорослый, в задорной не по годам кепке, видать самый бойкий, выкрикнул

с показательным весельем:

– Товарищ лейтенант, вы наш командир?

– Да нет, я с пристани, с парохода пройтись вышел. Раньше утра он не тронется, – убеждая себя лишний раз, ответил Вдовин. А про себя решил – это сборный пункт.

– Ну так ужинайте с нами, – откликнулся один из поваров, – кашка наша вот-вот поспеет. Салом заправлена, всё как положено.

– Домашнего давно не ел. Не откажусь.

Вдовин присел на корточки, а потом, опершись о палку, опустился на подстилку из осоки.

Бойкий мужик отрывисто назвал всех подряд, указывая пальцем:

– Николай, Пётр, Иван, Павел, а то – Серёга гуляет. Он бухгалтер, городской, потому – нервный. Только женился второй раз, тут его и забрили. На фронте он бы давно охолонул, а тут без дела – переживает.

Все хохотнули.

– Ты, Коля, лучше подай гостю Серёгину плошку, – кашевар протянул лейтенанту ложку и серьёзно добавил: – второй день бедолага не ест. Скорее бы безделье кончилось. Да кухни бы подвезли. Мы домашний паёк приканчиваем, а тут только вон крупу пока дают. – Он кивнул на палку и спросил: – Вы, видать, с фронта? Там, говорят, лучше кормят.

– Не скажу, с августа в тылу. Как сейчас, не знаю. А летом еды хватало.

Вдовин ощутил полузабытый запах кулеша. И мысли унеслись в степь, домой. Осоки там не было, а костёр и каша пахли так же. Домечтать не пришлось. Кашевар, как и все в тылу, издалека подбирался к главному вопросу:

– В ту войну так ни одного немца и не увидел. Одни австрияки. Ездовым с батареей в Карпатах прошёл. Чортков, Коломью, Надворную помню. Большого города не помню. Леса там тёмные, в горах глина да камни – намучился с лошадьми. Там пленных австрияков видел. А какие они – немцы?

Все четверо смотрели на гостя. Хотели хоть что-то узнать. Заглянуть вперёд. Что там будет?

– Да так, сблизил, я тоже их не видел. Стрелял по самолётам – зенитки у меня. Танки их видел, но издали. Так, с пару километров до них было. Жарко было в июле и влажно.

– Это ж надо, я тоже помню июль, только шестнадцатого года. Ты, лейтенант, с какого года?

– Двадцатого.

– Вот, тогда не довоевали. Теперь тебе пришлось. Как зовут?

– Николай, вон, его тёзка.

Пожилые поняли, что Вдовин не хочет больше рассказывать, а значит, приятного на фронте было мало. Более молодой Николай решил, что сотрапезник их ничего больше и не знает.

Как-то совсем быстро солнце закатилось, и Вдовин зато-

ропился на пристань, пока свет, отброшенный сюда облаками, ещё не стал настоящими сумерками.

– Бывайте, спасибо. Счастливо вам.

– Ты прости, что налить по-человечески нечего. Завтра пятый день тут стоим. Счастливо тебе.

Пароход словно вымер. Только комары вились тучами и не забыли свою работу. Вдовин улыбнулся своей шальной мысли и перенёс чемодан, шинель и вещмешок с остатками пайка с палубы прямо в каюту-люкс рядом с капитанской. Подумал: «Была же для чего-то революция», – и в наступившей темноте рухнул на тёмно-синий бархат выдавшего виды широченного дивана. Успел подумать об обманутых им комарах, о том, что, конечно, здесь душно, зато тепло, – и заснул.

Город

В школьном здании две комнаты первого этажа и были штабом его полка. Начштаба – капитан, сам недавний комбат, дотошно расспросил Вдовина:

– Ты огнём батареи управлять можешь?

– Думаю, смогу. Батареей стрелял только до войны, на полигоне. Реально – только взводом, три недели, в июле.

– Сбил что-нибудь?

– Два юнкерса. Это точно.

– Ну, значит, принимай 4-ю батарею. У нас остальные комбаты запасники. Командовать могут, а стрелять неко-

му – зенитчиков нет. Все из полевой гаубичной артиллерии. Полк наш формируется на их базе. Попутно меняем профиль на зенитный. Все вопросы – потом. Иди принимай дела.

Принимать оказалось пока нечего. Помощник начштаба, такой же как он лейтенант, почему-то с пехотными эмблемами, скороговоркой рассказал всё:

– Людей у тебя пока на два взвода. Кадровый только один – старшина Дрыль. У него все батарейные бумаги. Дождись его в столовке. В пять приедет за ужином. С ним и уедешь. Да и приказ на тебя раньше не подпишут. Аттестат на деньги отдай начфину, – вон в углу сидит. У него и талоны на продукты. Отоваришь здесь в военторге. ПФС, ОВС ещё нет. Снабжаемся кое-как из гарнизона.

Вдовин побрёл по школьному коридору, угадывая дорогу интуитивно: все школы одинаковы. Через боковой выход попал в сад. Никто не убирал этой осенью. Лишь кое-где из-под листвы выглядывали кирпичи дорожки.

Закончился Город, закончились его слободы и предместья. Прибрежные холмы отжимают булыжник мощёного тракта всё ближе к реке, к широким плёсам и заводам. Наконец, дорога просто начинает повторять изгибы реки – идёт вдоль берега. Косогоры слева прямо наплывают на стекло полуторки, полностью скрадывая видимость, и отступают только в последний момент очередным, вписанным людьми, закруглением. Вдовин не успел удивиться улучшенному по-

крытию дороги, ведущей в никуда, как широкая долина, прорезанная малой речушкой, выплыла навстречу. Воспользовавшись ею, шоссейка широченной дугой рванула от реки. А через два километра упёрлась в строение изысканной архитектуры, напоминающее с дороги вокзал.

Железная крыша, как в китайской пагоде, вылетала консьями далеко за стены, образуя навесы, способные укрыть даже пару стоящих рядом повозок. Стрельчатые окна и высоченные двери как бы говорили, что здание одноэтажное, но высота стен соответствовала минимум трём этажам. В общем, фантастический дворец в загородном захолустье. Врубленная кирпичом надпись «ГИППОДРОМ» только усиливала впечатление ирреальности. Впрочем, это смягчалось кирпичной же датой «1882». Нереальная дата из исчезнувшего мира.

Всё вроде нелепо в этом здании. Только теплеет на сердце от чёрного чугуна накладок у дверей, таких же кружевных узоров по коньку крыши и многочисленных, вроде бы таких тонких, витых колонн. Ступени крыльца – тоже чугун.

На заднем дворе – конное ристалище, а за ним конюшни да хоздворы. Далее, вверх по течению, долина речушки быстро сужалась и сплошь заросла берёзовыми перелесками. От последней доброй поляны сапёры перекинули бревенчатый мост. Сразу за ним встали шлагбаумы, угрожающие надписи, и потянулись восемь километров полевой временки всё в гору да в гору – на вдовинскую батарею.

Дорогу эту называли «верхней», потому что вдоль Волги была и другая, «старая» дорога. Та прыгала от ипподрома к странным каким-то дачам и бывшему детскому санаторию «Роща». Теперь всё это было отделение военгоспиталя для выздоравливающих. Сапёры сначала и хотели от «Рощи» просто подняться на гору. Всего-то там два-три километра. Потом рассмотрели поближе заросшие кручи, на которые нужно затягивать орудия и регулярно подвозить снаряды, и сами предложили «верхний» вариант.

Высокий сам по себе обрыв на слиянии двух великих рек ещё продолжался широким курганом. Едва заметный поначалу скат его завершался эскарпментом с плоской, голой вершиной. Обе реки изрядно потрудились, выравнивая старичьями противостоящие кургану берега. Словом, лысая вершина идеально господствовала над местностью.

– Ну, от и привёз вас, – сказал Дрыль, скользнув с доски сидения на землю, – сейчас всё покажу.

Вдовин стоял на выжженной солнцем площадке, где ничего, кроме выюнов, берёзки и ещё какой-то незнакомой травы, не было. Старшина, нимало не смущаясь, распоряжался:

– Ты вези продукты к кухне, мы сами придём, – назидательно велел он ездовому, – вещи командира там не запачкай. Свезёшь их в палатку Семенюка, понял?

И быстро пошёл по травяному плоскогорью, пока не заметил, что Вдовин отстал и хромает.

– Что, от немцев получили?

– Да нет, в боях с начальством. Ерунда.

– А ковыляете сильно. Может, лучше с палкой?

– Видать, придётся.

– Ну вот, это центр, – Дрыль встал у едва заметного колышка и, разведя руки, повернулся всем телом. Замер лицом на запад. – Это главное направление стрельбы. ОП я разметил давно, если вы утвердите, завтра выберем ваш КП.

Хотя Вдовин знал от штабных, что старшина – кадровый, он приятно удивился, что тот легко ориентируется не только в хозяйственных делах.

– Ты что, развёртывал когда-нибудь батарею?

– Я срочную служил в зенитном отдельном дивизионе. В Ленинграде. Разведчик. Там старшиной и войну встретил. Здесь я недавно.

– Значит, как и я.

– Полк этот был гаубичной полевой артиллерии, кадрированный, как всё в Поволжье. Сейчас их будут перевооружать на зенитки. Матчасть не прибыла. Вот я пока и не разметил огневые позиции толком.

– А люди?

– Местные, приписной состав, все огневики. Ни разведчиков, ни управленцев. Не то что ПУАЗО – зенитку никто не видел. Только трое фронтовиков, как мы, со сборных пунктов.

Солнце внезапно смеркло. Казалось, наступил закат. Две чёрные дуги туч круговым фронтом заливали всё небо. Рва-

нул ураганный ветер. Всё случилось в две-три минуты. Хле-
станул ливень. Земля и не пыталась впитывать воду. Струи
веером гуляли по водяным потокам. За горизонтом низмен-
ных берегов вверх полоснули беззвучные прожектора мол-
ний. Вдовин только успел удивиться, как они там очутились,
не пройдя над ним, как трахнули близкие разряды. Ясно ви-
димые кальмары молний повисли над головой непрерывным
барражем.

– Прямо Сибирь, – прокричал Дрыль, – где слияние Оби
и Иртыша. Что-то тянет молнии в слияния рек!

Капитан, начштаба, в более поздней беседе в тот же день
углубил информацию о месте слияния Оки и Волги. Для
штурманов немецких ночных бомбардировщиков это место
было единственной возможностью точно определить своё
местонахождение, сориентироваться. Слияние рек – это точ-
ка их доворота на новый курс.

– Сам видишь, лейтенант, на твой курган больше ниче-
го не втянешь. Остальные батареи из-за оврагов рассеяны
и стоят далеко. К тому же почти в одну линию. Работать
по целям будешь один. Только прожектора тебя поддержат.

Вдовин сдержал готовую сорваться с языка колкость на-
счёт прожекторов и их поддержки.

– Спасибо. Ночью, конечно, поддержат. Меня беспокоят
штурмовики. Видел их в деле. Прямо днём. Безо всяких хит-
ростей. Руслom реки подберутся. Вынырнут из-под обрыва.
Туда же и смоются.

– Не фантазируй. Опыт у тебя фронтовой. Здесь тыл. Штурмовок не бывает. Станут они от Рославля днём лететь. Да и горючего не хватит.

– Хотя взвод ДШК на плотах под обрывом поставьте. От маловысотных.

– ДШК стоят на заводских крышах. Где ты слышал, чтобы батарею прикрывали? Думай лучше, как ночью по высотным целям работать. И людей не пугай выдумками.

Госпиталь

Капитан, срываясь на крик, внушал комбатам, что приданные полку трактора и оба бульдозера придётся вернуть сапёрам не позднее четверга. Работы же на огневых позициях непочатый край. Жалкие попытки объяснений вводили его в неистовство.

Комбаты не обижались. Работал он больше любого из них, а проблем в полку не убывало. Отходил их командир быстро, да и зла никому никогда не делал, за что ещё с училища тащил за собой кличку «божий человек». По тем временам это очень мешало карьере. О ней он не сокрушался: что толку в карьере в это смутное время. А вот о неготовности позиций очень переживал.

Посоветовал комбатам не стоять в стороне от работ, хотя знал, да и по мозолям на их руках, понимал: это зря. В трудовом воспитании они не нуждались. Борька Гусев,

комбат второй батареи, попытался выторговать бульдозер ещё на полдня, объясняя, что у него весь приборный взвод и связь укомплектованы девушками. На что под общий хот получил совет:

– Ты отправь их к сапёрам: если девки хорошие, бульдозер всегда твой будет и без нашего ведома. Другим хуже: ни связью, ни прибористами не укомплектованы вообще.

На этом утренняя накачка и закончилась.

– Вдовин, ты на минуту останься.

Капитан тепло улыбнулся:

– Ты палку свою от меня-то не прячь. Знаю, что хромаешь. Дрыль рассказал. Толку от тебя сейчас с лопатой немного. Пока орудия не прибыли, съезди в госпиталь. Вот тебе моё предписание, у фельдшера возьми направление. Без направления могут тебя не принять, это не войсковой санбат. У медпункта ждёт полуторка. Там же трое красноармейцев – с зубами маются. Водитель дорогу знает. Ты ни его, ни этих, с зубами, ни на минуту не отпускай. Городские патрули их в момент сцапают. Вместе с полуторкой. Вы тут все от порядка отвыкли. Так что водить строём!

Ещё через полчаса полуторка со Вдовиным в кабине загремела по булыжному тракту.

За час добрались до центра Города. Потом ещё долго колесили по холмам и косогорам.

Но вот и клингородок, а за ним привычный глазу армейский забор и ворота КПП. Охраняла пожилая женщина в ка-

кой-то полувоенной форме. Несли наряд и четверо выздоравливающих, которые странно смотрелись в плюшевых пижамах.

Один из них встал на ступеньку и помог сразу загнать полуторку на площадку для прибывающих машин. Видимый порядок на том и закончился. Куда им дальше обратиться, этот сопровождающий не знал.

Вдовин строго приказал бойцам и шофёру никуда не отлучаться, и направился к ближайшему двухэтажному зданию серого кирпича, в окнах которого виднелись двухъярусные койки. А тут и солнце глянуло на дорожки, зажглось в оконных стёклах. Нашёл санитарку, спросил, куда им дальше.

– Зубное – там, в главном, а хирургия – вон, рядом с моргом.

Ирина

– Товарищ лейтенант, я не подумала, простите. Вы как бы не наш, не гарнизонный. Никак не привыкну. Всё так быстро сейчас меняется, – под окантовкой белой шапочки прошеле-стели ресницы, и на Вдовина полыхнули глаза – разумные и весёлые. Пропал лейтенант.

Не ощутить ему больше радостного чувства взлёта поутру, не рухнуть, уснув ещё в падении, как перегулявший до одури малыш. Эти глаза согреют, но и расслабят его на заре. Они же укроют дремотой в ночи, закутают пьянящим ту-

маном заветные щемящие чувства его. Почувствуешь кружение небес. И беспокойная ладонь твоя шлепком проверит, где Земля.

Но тут другая, её ладонь, вдруг протянулась над столом в таком товарищеском жесте уверенного рукопожатия:

– Романчишина Ирина, я здесь хирург. Уже второй месяц.

Вдовин не видел её. Глаза его не отрывались от длинных, сильных пальцев и угловато-решительной кисти. И не тепло, а холод сковал его зависшую над столом руку. Позой напоминал он памятник какого-то вождя. Только без сапог.

В секунду очнулся, но глаза избегали её.

Хирург же наш не могла оторвать профессионального взгляда от двух краснеющих ступней, вольно раскинувшихся на стиранных портянках постамента.

Что было дальше, читатель знает лучше самих героев. Они ослеплены любовью и ничего впереди не видят. А прошлое и вовсе закончилось для них, вроде никогда ничего и не было.

Ирина, впрочем, боролась. Заставляла себя не думать о нём, и чем больше заставляла...

«Он ведь даже не в городе, – уговаривала себя, – и явно не нашего круга. Ну, раз-другой вызову сюда по поводу ноги. На дорогах этой войны лейтенанты теряются сотнями тысяч. Бабий век короток. Это мужчина может не торопиться: и мать твою, и тебя, и дочерей твоих достанет. Тебе дай бог с одним удержаться. Права ведь бабка, хоть и объявлена

сумасшедшей. Она-то знает: трёх мужей пережила с этими вечными войнами... Не знаю, вылечу ли ему ногу. Себе же точно переломаю всё...»

Мысли уплыли к отцу, который явно сватал её за нейрохирурга из госпиталя. Отец огорчится.

Стоило ей остаться одной и вспомнить Вдовина, лицо её горело. Она хмурилась, но уже понимала, что ей не до огорчений отца и что она теперь сама по себе.

Чуянов

Генерал Чуянов всё больше раздражался, знакомясь с районом, где придётся служить. Знал об этом пока только он один.

Вторую неделю он инспектировал артиллерийские части, арсеналы и училища. Встречался с представителями оборонных наркоматов.

По довоенным ориентировкам было-то здесь только два важных моста да два серьёзных завода: Сормовский и ГАЗ. Мосты и названия так и остались.

Сами же заводы выросли в десятки раз за счёт эвакуированных предприятий. И выпускали теперь всё. От гвоздей до самолётов и танков. Прибывали всё новые производства и опирались на тяжёлые технологические циклы гигантов.

Отброшенные от Москвы, немцы осознали, что предприятия оборонного значения эвакуированы, и обезлюдевшая

Москва не была теперь целью для авиационного наступления. Оборонная промышленность ушла за Волгу, и туда же следовало перенести основные усилия немецкой бомбардировочной авиации.

Вот и попал Вдовин с его батареей в доклад Чуянова о неотложности единого командования ПВО для прикрытия всего промышленного района.

Как всегда и бывает, кто поставил вопрос правильно – тому его и решать. Езжай, Чуянов, в Горький, создавай корпусной район ПВО, заодно и развернёшь там первые зенитно-артиллерийские дивизии. Спасай заодно Вдовина.

Дело Вдовина как раз и было результатом неразберихи на вновь развёрнутом ремзаводе. Прибыл он аж из Смоленска, приткнулся бараками к лётному полю авиазавода. Привычно занялся установкой на самолёты какого-то радиооборудования. Подбитые вдовинской батареей низколетающие самолёты только-только обслужились на заводе и взлетели, ложась на дальний курс. Но из-за какого-то разгильдяя или мерзавца, не давшего на батарею стандартного сообщения-отмашки «свой», лететь им оказалось не судьба.

Генерал Чуянов привык улаживать сложные и часто неопределённые отношения с политотделами и особыми службами. Здесь, в тыловом районе, они медленно оставляли свои мирные привычки господствовать.

Были в Горьком генералы званием постарше его. Но только его части выполняли боевые задачи, вступая в непосред-

ственный бой с противником.

Видно, Ставка, назначая его старшим воинским начальником, как всегда решала сразу несколько вопросов: прикрывала важный промышленный район, экспериментировала с новыми войсковыми структурами, испытывала новую технику и перетряхивала кадры, зажившиеся в тылу.

В свои за пятьдесят Чуянов ощущал потребность в конных пробежках, воспитанную ежедневной практикой прапорщика ещё той, первой войны.

Его отец заведовал конной частью почтамта в губернском городе. И вёл полукрестьянское хозяйство. Он управлял имением, где было достаточно земли для севооборота кормовых трав, были и сенные луга. Несколько рабочих, – все местные крестьяне, – работали на земле и с лошадьми. Отношения сложились патриархальные, поскольку все они были на казённом коште. А как вести конное хозяйство, они знали с детства.

К 1914-му году Чуянов после реального училища был студентом 2-го курса Императорского Технологического. Хотел стать инженером-гальваником.

Смело ветром Великой Войны все желания и планы. Ускоренным выпуском прапорщик артиллерии поспел в Карпаты прямо к Брусиловскому прорыву. Закрутило, завертело.

Революцию подпоручик принял сразу, был как раз в Петрограде. Ушёл на фронты гражданской с батареей трёхдюймовок, конечно, на конной тяге. Благодаря простецкому нра-

ву прошёл все чистки спецов. Командовал даже артполком. Благодаря случайному знакомству не был демобилизован и осел в Главном Артиллерийском Управлении, казалось до пенсии.

Не всё он понял в новой власти, но не всё понимал и в старой. Так что верен был всерьёз лишь конскому составу и орудиям. То и другое он любил.

Уже в Москве приболудилась к нему врачиха из этих новых, рабфаковок, и вела его домашние дела очень ловко. Хотя детей у них не случилось, он был доволен ею и благодарен.

Генерал очень много ездил. Вообще любил бывать в поле. Все в управлении знали, что он готов заменить любого для скучной поездки в войска, арсеналы, артиллерийские или конные парки. Скоро не было человека, который бы лучше знал арсеналы и парки, во всяком случае до Урала. Участвовал в конных пробегах. Да заочно закончил-таки свой, теперь Ленинградский, Электротехнический.

Только на пятый день своего странного заточения в ожидании решения о трибунале Вдовин удостоился официального визита. Услышал неразборчивые голоса и вышел посмотреть, в чём дело. Незнакомый майор в добротной габардиновой гимнастёрке и солидных яловых сапогах разговаривал с Дрылем на кромке обрыва.

Вдовин, чтобы не маячить, присел на скамеечку прямо у двери блиндажа. Был тот час раннего утра, когда белесый свет луны ещё спорит с едва обозначившейся зарёй. Ни ту-

манов, ни дымки.

– Не удивляйся, я начхм при командире. А что майор, – так нас выпустили из Академии химической защиты капитанами. Не слыхал? В Москве и похлеще бывает. Так вот, генерал приказал мне провести дознание, пока не попало дело твоё в особый отдел, а оттуда в НКВД. Покуда дознание длится, ты не арестованный, а вроде как под домашним арестом по его решению.

– Да три раза уже всё излагал – рапорты мои в полкэ.

– Ты не психуй и запомни: больше бумаги – чище задница. Есть такое армейское правило. Каракули твои я читал, дальше полка они не пойдут. На фронте этого и хватило бы. А здесь – и политотдел, и гарнизонный трибунал, и НКВД. Пока ты тут в блиндаже загорал, многое изменилось. Начальник гарнизона новый. Я с ним приехал. Он и твой теперь прямой начальник.

Вдовин молчал. Майор тем не менее дружелюбно продолжил:

– Сначала просто расскажи мне всё. По-быстрому, но ясно и полно, – время ведь было обдумать. Я запишу и сам подумаю. До ночи изложишь письменно. К утру я должен положить на стол дознание в таком виде, чтобы с ним можно было не только в гарнизоне работать, но и наверх отослать. Спячка твоя закончилась, лейтенант.

Боевая характеристика

На старшего лейтенанта ВДОВИНА Николая Николаевича, 1920 г. рождения, члена ВКП(б), командира батареи. Холост. Из крестьян.

Делу Ленина-Сталина, социалистической Родине предан. Морально устойчив. Пользуется авторитетом среди личного состава. Приказы командования исполняет точно и в срок. Служит в полку с октября 1941 г., прибыл из резерва ПривВО.

При отражении налётов авиации противника на прикрываемые объекты проявил себя бесстрашным, решительным командиром. Так, в марте 1942 г., отражая массированные авиационные налёты в зоне Горьковского корпусного района ПВО, несмотря на интенсивную бомбёжку огневых позиций, ст. лейтенант Вдовин Н. Н. продолжал хладнокровно управлять огнём своей батареи.

Правила стрельбы зенитной артиллерии знает хорошо. Материальную часть удовлетворительно. Приборами управления владеет отлично.

ВЫВОД: ст. лейтенант Вдовин Н. Н. занимаемой должности соответствует. Способен занимать командные должности в частях зенитной артиллерии. Достоин выдвижения на должность командира зенитно-артиллерийского дивизиона.

Командир 947 Зенит майор Васильев Г. П.

Немцы

Весенние прибалтийские туманы притянули к себе низкие тяжёлые тучи, и вместе они накрепко придавили к земле всё летающее. Даже разведчик погоды не поднимался уже четвёртый день. Авиабазы под Кёнигсбергом уснула и спала сутками. Метеорологи не обещали ничего, кроме ещё более низкого давления.

Альфред Хегерт спал только ночью, не как некоторые. Его старинное правило гласило, что даже когда нет дел – их нужно тут же придумать.

Утром, как на службу, шёл в офицерское казино. До обеда, один в зале, курил и пил кофе, изредка помечая что-то в своём блокноте. Погода подарила ему дни отдыха. А он во все никогда не страдал от безделья. Приводил в порядок свои дневники – неряшливые заметки, которые он делал от случая к случаю уже второй год. Жалел, что не вёл их регулярно хотя бы с 1935-го, когда на этой же базе надел мундир люфтваффе.

Через семь лет он, конечно, помнил все факты, но не мог возродить, даже на бумаге, молодой энтузиазм, пьянящее чувство первых полётов, возбуждённое желание быть в воздухе долго-долго.

Эти волнующие ожидания неуклонно, год за годом, вытеснялись пугающей реальностью холода и одиночества в каби-

не, даже когда на борту есть ещё кто-то. Начались выматывающие нервы страхи в ожидании предстоящего боевого вылета. Это ещё на земле. Стремление быть долго-долго в воздухе теперь было странным вывертом психики. Конечно, с годами он чувствовал себя спокойнее в полёте. Бесповоротная определённость дарила фанатическую решимость и странный покой, похожий на оцепенение.

Словом, в дневнике он нацарапал:

Устойчивость в бою, – Устойчивость души, Ты деревянный в драке. Тебе сомненья Не нужны, – Не существуют Большие страхи.

В туман, когда это никому не помеха, он бродил по рулёжным дорожкам, натываясь изредка на окрики часовых. База заменяла ему все парки и музеи мира. Причём с детства.

До отцовского фольварка всего-то по прямой с десятков километров. А там с пяти лет непрерывная карусель хлопот: огород-сад – с матерью; поле, кони, скотина, – с отцом. От этого – дисциплина, в сравнении с которой армейская – это кривляние вечно пьяной прислуги в жалком борделе. Казалось, лучше бы и не учили читать, – книги пробуждали пустые мечтания.

Где-то лет в четырнадцать он поздно пришёл из школы. Учитель знакомил с лётчиком-инструктором всех мальчиков, пожелавших стать пилотами. Горя нетерпением, выпалил новость отцу. Тот не только с привычной аккуратностью отодрал его ремнем, но и прибег к палке, чего прежде не де-

лал.

– Если снова захочешь летать, нигде не задерживайся, все полёты ждут тебя дома.

Запомнилось. Альфред впервые почувствовал, что мать иногда согласна с отцом.

Да разве убежишь от стрекочущих мотыльков, выющихся над полями, над заливом, над амбарами и трубой коптильни фольварка...

Летать. Никакой другой профессии и никакого другого места в жизни Хегерт не хотел. Уже через четыре года, в Испании, был отмечен наградами за высочайшую технику пилотирования. Обрёл лицо в своём деле. Стал известен. Но при малейшей возможности влиять на свои планы, он избегал карьеры, связанной с заманчивыми берлинскими знакомствами.

По-крестьянски основательно, он искал устойчивости и определённости, справедливо полагая, что возможность эта для него в строю, в полётах.

Сейчас, в этом вынужденном отпуске, совсем рядом с домом, как когда-то, он находил удовольствие и ощущал щемящее душу возбуждение, натываясь в прогулках своих на устаревшие и надолго приземлённые самолёты. Он пилотировал эти марки раньше и на них обрёл свой опыт и отточил технику.

– Где, как не вдали от Берлина, это возможно?

Эту фразу он пробормотал вслух. И тут же услышал окрик

часового. Подумал: «Напугал я его».

Громко назвал себя и добавил:

– Это не проверка. Я просто гуляю. Не вздумай стрелять. В такой туман недолго заблудиться. Иду к тебе.

Примерно ориентируясь на голос, Альфред побрёл в молочной каше тумана. Первое, что уловил глазом, – тёмный силуэт-горб самолёта. Уверенно пошёл к нему и ощутил приятное волнение. Это оказался 110-й, по документам Messerschmitt Bf-110, – первый его боевой самолёт. В Польше и во Франции он казался серьёзным истребителем. Как быстро всё меняет война. Сейчас все машины этого типа только в Германии – ночные перехватчики. На фронте им делать нечего.

«Каким ребёнком я был всего три года назад. Два мотора. Два человека. Раздвоенный киль. Как всё продумано, как разумно. Да самой встречи со Спитфаерами», – подумал ас и проверил, не слышит ли кто его мысли.

То был единственный в жизни случай, по сегодняшний день, когда самолёт его попал под прицельный огонь другого самолёта. Во-первых, он рассчитывал тогда на стрелка-радиста, отвечающего за заднюю полусферу. Тот был убит, не сделав и одного выстрела. Спитфаеры вышли из-под солнца. Во-вторых, машина его уступала в вертикальном манёвре. Ушёл в пике – и еле вылез. Спасло только то, что недолго гнались.

Тогда их полк быстро вывели в Средиземноморье. Италия, Мальта, Греция, – как стремительный сон. Переучива-

ние на ФВ-190.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.